БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦЫ

Варвара Ивановна скончалась — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ —царство ей небесное; добрая и предобрая была душа, почтенная женщина, всѣ, кто только зналъ ее, всѣ ее уважали.

— И я также, отозвался другой — и я уважалъ ее, потому что за нею точно были добрыя качества; но еслибъ это могло послужить въ назиданіе живымъ, то я бы больно разбранилъ покойницу.

— Какъ такъ? за что? помилуй, не она ли взяла съ улицы двухъ несчастныхъ сиротъ, облагодѣтельствовала ихъ кругльмъ, кормила, одѣвала, воспитала, наставила — воля твоя, а одно это дѣло стльитъ того, чтобы память ея была почтена и уважена.

— Да, отвѣчалъ тотъ–же, я все это знаю и все это такъ, отъ слльва до слльва. Она именно приняла двухъ сиротъ съ улицы, въ полномъ смыслѣ слльва безъ куска хлѣба, и эти несчастные, незнавшіе до того другъ друга, сошлись въ домѣ своей общей благодѣтельницы, и сдѣлались назваными братомъ и сестрой. Она ничего нещадила

для нихъ; они не только нужды не знали, но жили и росли, какъ у Христа за пазухой, въ холѣ и полномъ довольствѣ. Это правда.

— Ну, такъ чего жъ тебѣ еще?

— А вотъ чего: Варварѣ Ивановнѣ досталось отъ покойнаго мужа порядочное имѣніе, душъ полтораста, да еще каменный домъ, который давалъ тысячъ десять, да еще осталось чистыми деньгами, какъ сама она сказывала, подъ сотню тысячъ. По смерти мужа, покойница, какъ инеральша, и притомъ какъ женщина умная и разсудительная, не только продолжала жить по прежнему, открыто, но даже раздвинулась еще по шире, не заботясь о томъ, что у мужа былъ доходъ, котораго у нея нѣтъ; что мужъ былъ расчетливый хозяинъ, а она — не тѣмъ будь помянута — умѣла проживать, да не умѣла наживать; что все состояніе ея, при порядочномъ управленіи, можетъ дать до семи или осьми тысячъ серебромъ въ годъ, что это состояніе весьма хорошее — но что при всемъ томъ надо по одежкѣ протягивать ножки, итти впередъ и оглядываться назадъ; она заботилась только объ одномъ:

какъ–бы придумать, лишь только божій день настанетъ, новую и опять новую причуду или затѣю, увѣряя и себя и воспитанниковъ своихъ, что безъ этого жить нельзя на свѣтѣ, и называя такого рода жизнь самою бѣдною, ограниченною и жалуясь всегда на недостатокъ. Разумѣется что она вскорѣ свела домокъ въ одинъ уголокъ, и какъ говорится, спохватилась чепца, когда ужъ не стало и головы. Карета не карета, лошади не лошади — все отборное, щегольское, день денской двадцать человѣкъ за столомъ, прислуги въ домѣ — хоть ими мосты мости, нѣсть числ÷; дачи, театры, поѣздки всѣмъ домомъ туда и сюда, безъ этого нельзя ей, она бы безъ этого и на свѣтѣ жить не могла; притомъ беззаботливость о хозяйствѣ, гдѣ каждый могъ воровать сколько душѣ угодно — словомъ, мы оглянуться не успѣли какъ порѣшили все. Послѣ насъ остались долги, долги и долги, да нѣкогда дорогое отрепье.

Теперь обратимся къ сиротамъ, которыхъ она призрѣла и спасла отъ гибели, и, не спорю, можетъ быть даже отъ голодной смерти. Они выросли какъ

княженята; о нуждѣ и бѣдности читали они въ дѣтскихъ книжонкахъ, также точно какъ о греческихъ божествахъ, которыхъ знаютъ на перечетъ; но то и другое для нихъ сказки; имъ и во снѣ не видѣлось чтобы нужда могла когда нибудь коснуться ихъ самихъ; что вздумали, что захотѣли — все есть, и притомъ все лучшее, все самое дорогое и рѣдкое, а всего простаго и дешеваго пріучили ихъ чуждаться, пренебрегать имъ, какъ дѣломъ постыднымъ. Что человѣкъ можетъ быть сытъ щами и кашей — не говорю уже коркой хлѣба и ковшомъ воды — и что даже эту пищу долженъ онъ напередъ заслужить и заработать — объ этомъ нѣтъ ни слльва, ни во Французскомъ самоучителѣ, ни въ способѣ или обзорѣ воспитанія гувернера, ни въ направленіи, которое дано было этому воспитанію самою Варварою Ивановною. Что можно или даже должно наслаждаться, и притомъ быть всегда недовольнымъ тѣмъ, чѣмъ Богъ взыскалъ — этому научились они рано; а что должно работать, трудиться и нуждаться — объ этомъ слышали и думали они менѣе, чѣмъ о

жителяхъ луны. Но вдругъ благодѣтельница умираетъ; ее нѣтъ. Чѣмъ бы все это кончилось и какъ разыгралось, если бы она прожила еще десять лѣтъ — не знаю; но ее нѣтъ. Заимодавцы однакоже тутъ, и полиція также; она замыкаетъ и печатаетъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ комнатъ, оставивъ только двѣ свободными: одну, гдѣ живутъ дѣти; другую, гдѣ лежитъ на столѣ покойница.... дѣлаютъ расчетъ, продаютъ съ молотка и движимое и недвижимое — въ остаткѣ долги, которыхъ никто не заплатитъ, на лицо одинъ только недочетъ; вещей и денегъ нѣтъ, о каретахъ, театрѣ и устрицахъ нѣтъ и рѣчи: только хлѣбъ да вода, да и то христа–ради, отъ добрыхъ людей.... Обманутые заимодавцы разошлись, почесавъ затылки, и дѣло, въ судебныхъ и другихъ мѣстахъ, зачислено рѣшенымъ. Оно въ свое время сдается при описи въ Архивъ. Но гдѣ же наши сироты? Можете ихъ взять на свое попеченіе, господа, кому угодно — но только прошу не забыть, что вы должны держать ихъ по княжески, а не такъ какъ вы можетъ быть держите своихъ дѣтей, если вы

благоразумный человѣкъ; сиротъ этихъ надо поутру поить какимъ–то особеннымъ шеколадомъ, который можно получать у одного только Излера, куда недавно привезена особая машина изъ Парижа, для выдѣлки шеколада; имъ надобно подавать къ завтраку котлетку, составленную, если не ошибаюсь, пополамъ изъ грудинки цыпленка и тетерева; притомъ котлетка эта предварительно обнюхивается и расматривается на свѣтъ маменькой, а за тѣмъ и дѣтьми, которые, не чая въ этомъ никакого худа, не рѣдко объявляютъ, что котлетка сегодня неудачно состряпана, и потому требуютъ другой — и желаніе ихъ поспѣшно исполняется; если они пожалуются на повара, то его наказываютъ, или долго бранятъ; однимъ словомъ, нѣтъ конца причудамъ, которыя какъ будто съ намѣреніемъ, съ большимъ стараніемъ, поселены и развиты въ этихъ несчастныхъ, облагодѣтельствованныхъ покойною Варварой Ивановной дѣтяхъ. Но я уже сказалъ вамъ, что благодѣянія ея кончились; что же ей дѣлать — изза гроба нѣтъ голоса, ни власти; она сдѣлала что

могла, нещадя ничего — теперь, господа, пришла наша очередь; дѣти эти, уже полувзрослые, опять на улицѣ, опять ждутъ своего благодѣтеля.... но какая разница, что они нѣкогда были, и что они теперь? Тогда, они просили только насущнаго куска хлѣба; отдавъ ихъ въ любое учебное заведенiе, даже на выучку къ ремесленнику, куда хотите, вы бы уже оберегли ихъ и пристроили; теперь напротивъ.... да теперь, хоть лобъ взрѣжь, я ничего не придумаю, не вижу самой возможности, какъ и куда ихъ пристроить и дѣвать, что съ ними дѣлать, чтобы не вышло изъ нихъ отчаянныхъ негодяевъ, или чтобы они покрайней мѣрѣ не считали себя отнынѣ и впредь до вѣку самыми несчастными созданiями въ мiрѣ, жертвами того и сего: словомъ, чтобы они когда нибудь могли порадоваться жизни своей, какъ Богъ велѣлъ, и быть полезными членами гражданскаго общества.... Вотъ вамъ благодѣянiя Варвары Ивановны; остается, господа, вывести сиротъ, или прiемышей ея, какъ можно скорѣе въ князья, и притомъ въ такiе князья, которые

бы могли жить очертя голову, не заботясь ни о чемъ. Иначе я пособить имъ не умѣю. Въ одномъ титулѣ имъ бы мало было пользы.

Правда, сказалъ другой собесѣдникъ, избави насъ Богъ отъ такихъ благодѣтельницъ. Это напоминаетъ мнѣ одну солдатку, у которой сынъ былъ, какъ водится, кантонистомъ — мальчикъ видный и здоровый, болванъ почти съ меня ростомъ. — Она занималась стиркой бѣлья поштучно, и тяжкимъ трудомъ вырабатывала довольно бѣдное содержаніе свое; не менѣе того она, изъ любви къ сыну, отказывала самой себѣ во всемъ, а его постоянно кормила калачами, радуясь до слезъ, когда этотъ малютка приходилъ къ ней день за–день голодный, увѣряя что онъ сегодня еще ничего въ ротъ не бралъ, потому что никакъ не можетъ ѣсть казеннаго ржанаго хлѣба; она встрѣчала его калачомъ и провожала другимъ, хотя иногда сама не знала что будетъ ѣсть на другой день. Сынъ, какъ само собою разумѣется, мать свою не ставилъ въ грошъ, и знался съ нею потому только, что

избушка ея была ему притономъ и запасомъ для калачей. Когда разъ както у нея не стало гривны на калачъ — котораго, скажемъ мимоходомъ, она вообще сама никогда не ѣла, а довольствовалась дурнымъ ржанымъ хлѣбомъ — когда, говорю, болванъ этотъ разъ проходился даромъ домой, и вмѣсто калача засталъ однѣ только горючія слезы неутѣшной матери, то онъ ей наговорилъ такихъ вещей, которыхъ право не хочется и пересказывать. Что ты дѣлаешь, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, куда ты его ведешь? Вѣдь изъ него со временемъ выйдетъ бѣдовый негодяй; ему быть солдатомъ, это ты знаешь и этого не миновать; ну откуда же онъ послѣ возметъ калачи эти, когда тебя не станетъ? — Чтожъ, — пусть по крайней мѣрѣ тогда вспомнитъ меня, отвѣчала она, и продолжала кормить его калачами. Къ несчастію я ей напророчилъ правду: сынъ ея пошелъ было по службѣ довольно хорошо, онъ попалъ въ писаря и очень скоро произведенъ былъ въ унтера; но какъ онъ отнюдь не могъ укусить ржанаго ломтя,

а казна калачами не кормитъ, то ему и надо было, вочто бы ни стало, добывать вмѣсто казеннаго пайка свой, и притомъ по своему вкусу. Онъ испыталъ для этого многое, выпрашивалъ, занималъ, обманывалъ, но встрѣтивъ разныя неудачи пустился прямо и просто на воровство. Попавшись разъ другой и будучи наказанъ и разжалованъ, онъ правда вспомнилъ мать, но только такимъ образомъ, что ей бѣдной вѣрно отъ этого помину не лежалось спокойно даже и въ могилѣ. Проклиная ее, онъ пустился во всѣ нелегкія и вышелъ, какъ говорится, пропащій человѣкъ.

Но возвратимся къ покойной Варварѣ Ивановнѣ. Скажите жъ ради Бога, какъ могла умная женщина сдѣлать такую непростительную глупость? Я надѣюсь вы согласитесь, что она не была глупой женщиной? Она въ свѣтѣ слыла даже очень умною и образованною?

Пожалуй, соглашусь: умъ уму рознь. Она жила и выросла въ большомъ свѣтѣ, и весь умъ ея засѣлъ на вѣки въ тѣ кондалы, которыя набиваютъ ему въ кругу этого общества. Какое нибудь глупое,

безсмысленное приличіе, условный обычай, не стоющій ни гроша, цѣнится этими людьми выше всѣхъ благъ земныхъ и — чуть ли не небесныхъ. Кто до такой степени рабъ, холопъ больше свѣтскихъ причудъ, чванства, пустоцвѣта и пустозвона, тотъ глядитъ на вещи не своими глазами, и судитъ уже подобно не своимъ умомъ. У него умъ въ кабалѣ у праздной толпы, у черни въ шелку и золотѣ, а эта чернь несравненно хуже черни въ зипунѣ.

Хорошо — но я бы желалъ знать, я вовсе не могу себѣ представить этого — что такое думаетъ человѣкъ, когда живетъ такъ, какъ жила покойница, какого онъ ждетъ конца, какого спасенія чаетъ отъ петли — какъ можно проживать капиталъ, брать за просто изъ сундука, какъ изъ колодца, не расчитывая доходовъ и не думая о будущности?

Это опять тоже; и это найдешь ты въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, или у людей, которые хотятъ ему подражать. Это мотыги самые безстыдные, безсовѣстные и вредные: мишура или блестка на сегодня, имъ дороже чѣмъ кусокъ хлѣба на завтра.

Есть — такъ они мотаютъ; нѣтъ — такъ занимаютъ; не даютъ, такъ плачутъ. Бываетъ и то — и это не меньшая бѣда — что люди не умѣютъ перемогаться, не умѣютъ ни въ чемъ себѣ отказывать, потому что къ этому не привыкли, также точно, какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ отказать себѣ въ пищѣ: они тутъ разницы не видятъ никакой, и сравненіе это показалось бы имъ въ полной мѣрѣ приличнымъ и умѣстнымъ. Но кромѣ тщеславія и ненасытной жадности этой есть качество ведущее на тотъ же путь или распутье: бываютъ люди до того легкомысленные, опрометчивые, безразсудные и безпорядочные, что они безъ няньки или дядьки жить не могутъ. Называйте ихъ умными, коли можете составить себѣ такое понятіе объ умѣ, которое бы вязалось съ понятіемъ объ отсутствіи всякой разсудительности; свѣтъ весьма не рѣдко называетъ ихъ умными. Но оставимъ это и возвратимся лучше къ сиротамъ; скажите же, что изъ нихъ выйдетъ? какая судьба ихъ ожидаетъ.

Это можетъ разыграться различнымъ образомъ — почемъ знать, чего не знаешь — но къ сожалѣнію гораздо болѣе вѣроятности, что дѣло кончится дурно. Во первыхъ пріемышамъ предстоятъ теперь два–три года страшнаго искуса, отъ которыхъ ихъ никто не избавитъ: они будутъ бродить это время какъ въ чаду, проливая день–за–день горькія слезы по своей благодѣтельницѣ и почитая себя самыми несчастными существами въ мірѣ. Имъ не пойдетъ въ голову ничего, они отупѣютъ и это нравственное пораженіе повлечетъ за собою изнеможеніе плоти, хилость. Жизнь дана намъ на радость — а здѣсь искаженное воспитаніе, превратное образованіе ума и сердца, превратятъ ее въ печаль. Между тѣмъ, по закону природы, придетъ время самостоятельности — а ее–то и нѣтъ у нихъ. Дѣвочка очень легко можетъ быть совращена на путь самый дурной: роскошь, какъ потребность для нея, легко увлечетъ ее за собою туда, куда будетъ манить, обѣщая блескъ и довольство; мальчикъ, который еще годомъ старше названой сестры своей, вѣроятно долженъ

будетъ, куда ему больше дѣваться? — поступить куда нибудь на службу: тщеславіе повлекло бы его въ гусары или уланы, потому только что онъ смолоду привыкъ считать наружный блескъ существеннымъ дѣломъ; но недостатокъ средствъ не дозволитъ ему итти въ конницу. Вѣроятно онъ и пѣхоту предпочтетъ службѣ гражданской, о которой говоритъ не иначе какъ съ презрѣніемъ; положимъ что онъ вступитъ на дворянскихъ правахъ — какой изъ него выйдетъ офицеръ? онъ десять разъ сряду попадется въ небреженіи къ службѣ, потому что для изнѣженнаго, избалованнаго тѣла, холя и удобство всего дороже; служба ужъ конечно будетъ намъ не по нутру, а думаемъ мы только о томъ, какъ–бы поскорѣе шпорами брякнуть по паркету; вотъ наша служба! кромѣ того намъ никакъ нельзя будетъ жить барономъ — пыль въ глаза пустить надо, это одна только благородная, истинная цѣль жизни; коли не прихвастнуть, то чѣмъ же болѣе и повеличаться? чѣмъ отдалиться — отъ толпы? лишь бы кто намекнулъ, что надо–бы кутнуть, то мы тотчасъ же

пустимъ ребромъ и свое и чужое; не цѣня не уважая своей собственности, мы подавно не можемъ уважать и чужой; для насъ все трынъ–трава и мы проповѣдуемъ, что стыдно заботиться о такихъ пустякахъ, какъ деньги, и въ особенности стыдно требовать, чтобы человѣкъ платилъ долги. Попадись ему за тѣмъ въ руки деньги казенныя — и онъ ихъ также точно пробарґнитъ и заплатитъ за нѣсколько буйныхъ ночей своею честью, какъ названая мать заплатила будущностію своихъ питомцевъ. При всемъ томъ, если хочешь, можешь назвать умнымъ и его, какъ покойницу Варвару Ивановну: способностями Богъ его наградилъ, кой–какія поверхностныя познанія есть, по Французски мы болтаемъ свободно, разсуждать умѣемъ обо всемъ; но куда и къ чему бы мы пригодились на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ дармоѣдства, этого я не знаю; а еслибъ подъ каблуками хлѣбъ росъ, то мы бъ его въ мазуркѣ посѣяли много.

Въ Москвѣ жила когда–то извѣстная благодѣтельница, которая, какъ общая молва ходила, посвятила и себя и почти все

состоянiе свое воспитанiю безпрiютныхъ сиротъ. Она ихъ набирала по–два и по–три почти ежегодно, кормила, одѣвала, обувала, учила и воспитывала, содержа для этого постоянно наставниковъ. Когда двое или трое изъ этого домашняго благотворительнаго заведенiя были на выпускѣ, то устроивался праздникъ, великолѣпное торжество, къ которому приглашалось бездна гостей; ученики и ученицы на испытанiи показывали изумительные успѣхи, то есть, говорили блистательныя рѣчи, особенно на иностранныхъ языкахъ, плясали прелестно самые модные танцы, подносили картины съ подписью своихъ именъ, большею частiю работы учителя, или учениковъ одного изъ заведенiй, гдѣ преподавалъ тотъ же учитель; многiе пѣли, играли на фортепiано и прочее. Распросите же теперь и узнайте куда дѣвались эти облагодѣтельствованные, и что изъ нихъ вышло? Я считаю того изъ нихъ счастливымъ, о комъ ничего неизвѣстно, кто заглохъ въ молвѣ и гдѣ–то пропалъ безъ–вѣсти; остальные, къ сожалѣнiю, каждый въ свою очередь были

извѣстны не только въ тѣсномъ кругу своемъ, но ославились даже на половину Москвы. Благодѣтельница горько плакалась на неблагодарность ихъ, и оплакивала поочередно, годъ–за–годъ, почти всѣхъ своихъ пріемышей; но это ее нисколько не могло вразумить, она все опять набирала ихъ снова и вела тѣмъ же путемъ: она, во первыхъ, забывала изъ какого состоянія они взяты и что ихъ ожидаетъ въ будущности; во вторыхъ, любила ихъ очень — но любила какъ мосекъ, обезьянъ, попугаевъ, — то есть, безсмысленно, безсознательно и потому губительно. Въ третьихъ, она ихъ держала собственно ради скуки и своей забавы. Всѣ потребности образованія разсчитывались по этому мѣрилу, и мгновенная прихоть всегда рѣшала приказъ и отказъ, потому что одна только причуда управляла этою странною женщиной. Дѣти шаркали по паркету, валялись по персидскимъ коврамъ, носили бѣлье голандскаго полотна и обѣдали за однимъ столомъ съ хозяйкой — и столъ этотъ всегда былъ отборный; дѣтямъ всего болѣе и чаще доставалось за то, чтобы они

умѣли вести себя прилично, то есть достойно того дома, гдѣ они воспитываются; но вдругъ благодѣтельницѣ мерещилось, что они забываются, что они не благодарны и зазнаются: тогда ихъ осыпали жестокими укорами, грызли голову, упрекали о нищенскомъ ихъ происхожденіи, и на нѣсколько дней одѣвали въ армяки, обували въ лапти и ссылали въ людскую. Вскорѣ гнѣвъ смѣнялся милостію, и онѣ снова попадали въ любовь, особенно по просьбѣ любимой горничной барыни, и ихъ одѣвали графчиками, и опять сажали за боярскій столъ. Лгать и воровать всѣ они выучивались основательно въ этомъ заведеніи своей благодѣтельницы, потому что вынуждены были угождать на людей, быть за одно съ прислугой и съ негодяями, приставленными для ихъ воспитанія. Куда послѣ того, съ такими началами, дѣваться бѣлоручкѣ, у котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго? куда дѣваться, съ полькой и французской кадрилью, дочери какого умершаго комиссара 15 класса, куда другому молодому человѣку, у

котораго были въ живыхъ только тетка просвирня, да пьяный дядя, торговавшій на рогожѣ железнымъ ломомъ — между тѣмъ какъ племянникъ этотъ вышелъ отборнымъ франтикомъ, мечтавшій уже нѣсколько лѣтъ, подъ кровомъ благодѣтельницы своей, о томъ только, какъ онъ будетъ перемѣнять перчатки по мастямъ, смотря по времени дня, и какъ онъ будетъ носить такіе сапоги, которые ровно ни чѣмъ не отличаются отъ дамскихъ бальныхъ башмачковъ? Куда дѣваться имъ и что изъ нихъ выйдетъ?

Подумайте объ этихъ благодѣтельницахъ, господа, и коли у васъ есть между ними знакомыя, то облаготворите ихъ самихъ, передачею слово въ слово нашего сегоднишняго разговора.

ЗАУМАРКИНА МОГИЛА.

Радуница и семикъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ и любимымъ праздникамъ Устюжанъ; оба посвящены памяти

усопшихъ. Радуницей называется вторникъ Ѳоминой недѣли, въ который и во всей великой Россіи совершаются поминки, тогда какъ на Украйнѣ, это дѣлается въ понедѣльникъ. Семикомъ называется четвертокъ седьмой недѣли по Пасхѣ. Тотъ и другой день празднуется Устюжанами при Іоанно–Предтеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, съ установленія при немъ въ эти дни крестныхъ ходовъ, или съ 1445 года.

За стѣнами этого монастыря была сосновая роща, отжившая вмѣстѣ съ отцами нашими, но остатки пней о–сю–пору покрываютъ неровную мѣстность. Это не тотъ боръ однакоже, который, еще до построенія монастыря, служилъ мѣстомъ соколиной охоты для Устюжскихъ баскаковъ; есть напротивъ любопытное и правдоподобное преданіе, которое объясняетъ намъ, откуда взялся на этомъ мѣстѣ небольшой сосновый борлкъ, коего пни доказываютъ и нынѣ, что деревья стояли довольно рѣдко и притомъ большею частію на небольшихъ буграхъ или насыпяхъ.

На этомъ мѣстѣ было встарину, въ теченіе многихъ вѣковъ, покоище, т. е. тутъ погребали умершихъ безъ покаянія, скоропостижною смертію, погибшихъ несчастными случаями и самоубійцъ. Для этого здѣсь становилась скудельня, родъ часовни и упокойнаго дома, подъ которымъ вырывалась одна общая большая могила, гдѣ ставились всѣ, кому суждено было втеченіе того года лежать не на кладбище, а на покоищѣ, и быть погребеннымъ безъ отпѣванія. Но человѣколюбіе и христіанское примиреніе не лишало и этихъ отверженныхъ части благодатныхъ обрядовъ своихъ, совершая ихъ къ утѣшенію родственниковъ и ближнихъ одинъ разъ въ году, въ видѣ общаго поминовенія. Тогда на покоищѣ этомъ дѣлался крестный ходъ, въ которомъ участвовалъ самъ Преосвященный со всѣмъ духовенствомъ, и надъ общей могилой отправлялась панихида. Это дѣлалось именно въ день Семика. Приходскіе священники по просьбѣ мірянъ отправляли, послѣ общей панихиды, частныя. Отъ этого произошло здѣсь обыкновеніе посѣщать въ

Семикъ кладбище. По окончанiи панихидъ, скудельня переносилась по близости на новое мѣсто, для приготовленiя другаго зимовища, какъ называли эту общую могилу, а старая зарывалась, на ней насыпался небольшой курганъ, и вмѣсто креста или инаго памятника, который вообще у насъ не заведено ставить надъ могилами безъ покаянiя умершихъ, здѣсь бывала посажена молодая сосна. Вотъ происхожденiе бывшей монастырской рощи. Время изводитъ все; въ могилахъ остались однѣ полуистлѣвшiя кости, а на могилахъ дуплястые пни, которыхъ вскорѣ не будетъ вовсе.

Есть преданiе, что когда въ Устюгѣ свирѣпствовалъ моръ, подъ названiемъ черной смерти, гдѣ болѣзнь обнаруживалась черными болячками по тѣлу, то многiе изъ жителей, коль скоро только черная немочь на нихъ обнаруживалась, сами уходили за городъ въ скудельню, и тамъ умирали.– Всѣ знали, что спасенiя отъ этой болѣзни не было, что она заразительна и легко передавалась отъ одного человѣка другимъ, и народъ,

покоряясь этому бичу небесъ, шелъ въ скудельню, и такъ сказать заживо самъ ложился въ могилу свою. Полагаютъ, что это было поводомъ къ основанію скудельни, которая впослѣдствіи обратилась въ покоище для умершихъ безъ совершенія надъ ними таинства и христіанскихъ обрядовъ.

Кромѣ этого общаго зимовища на томъ же мѣстѣ было много могилъ одиночныхъ или семейныхъ, если цѣлое семейство погибало внезапно отъ какого либо несчастнаго случая. Такъ, на примѣръ, преданіе о Заумарковой могилѣ еще свѣжо, на нее укажетъ вамъ каждый Устюжанинъ и пенъ сосны, посаженной по тогдашнему обычаю на небольшую насыпь, составляетъ одну изъ примѣтъ ея. Вотъ что разказываютъ объ этой могилѣ:

Жилъ–былъ Устюжанинъ по прозванію Заумарко, житель такъ называемой здѣсь горы, человѣкъ пьяный и буйный. Никакія увѣщанія родственниковъ не могли его исправить, ни даже склонить малѣйше къ обузданію себя: онъ пьяный страшно мстилъ всякому, кто ему трезвому дѣлалъ

упреки или читалъ наставленія, стараясь пробудить въ немъ совѣсть. Такимъ образомъ всѣ отъ него отступились, никто не хотѣлъ связываться съ Заумаркой, ни съ пьянымъ, ни съ трезвымъ, если только онъ бывалъ когда нибудь трезвъ: всякой обходилъ его встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, а черезъ порогъ къ нему не переступалъ никто.

Но есть связи такого рода, которыхъ человѣкъ не въ силахъ разорвать, и была такая несчастная душа, которая должна была жить подъ одной кровлей съ Заумаркою: за нимъ утопили хорошую дѣвку, которой плачъ и стоны слышалъ одинъ только Богъ, сосѣди же были до нея глухи. Этого мало, у нея было еще отъ Заумарки двое дѣтей, сынъ, и дочь, которыхъ она хоронила отъ мужа, опасаясь его звѣрскаго и безумнаго сердца. Однажды раннимъ утромъ сосѣди увидѣли семи–лѣтнюю дочь Заумарки передъ домомъ на улицѣ: она стояла спокойно и не сводила глазъ съ родительскаго дома. Люди объ ней не заботились; многіе ходили туда и сюда, за суетными нуждами своими, и обходили

несчастнаго ребенка, чуждаясь отверженнаго отца. — Уже солнце поднялось въ дерево и выше, а дѣвочка стояла все на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ не живая. Наконецъ одинъ добрый человѣкъ, которому показалось это небывалымъ, подошелъ къ ней и сталъ ее распрашивать; вскорѣ собралось много народу, всѣ слушали, пожимали плечами, переговаривались шопотомъ, и со страхомъ поглядывали на Заумаркину избу: ребенокъ говорилъ очень просто и ясно, что отецъ зарѣзалъ мать и сына, а самъ упалъ на полъ и сгорѣлъ. Послѣ долгихъ толковъ рѣшились войти въ избу: ребенокъ сказалъ правду; мать и сынъ были зарѣзаны и плавали въ крови, а безобразные остатки отца, сгорѣвшаго самъ собою отъ вина, лежали на полу. Трехъ покойниковъ похоронили на извѣстномъ покоищѣ, но въ особой могилѣ; она, какъ я сказалъ, и донынѣ называется Заумаркиной, и по общему тогда обычаю украшена была сосной.

БОГАТЫРСКІЯ МОГИЛЫ.

Сродство и потаенная связь языковъ, обычаевъ, повѣрій и преданій, у различныхъ племенъ и въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, не рѣдко заставляетъ насъ призадуматься. Въ Нерехтѣ вы услышите божить вмѣсто желать, хотѣть; и только, проѣхавъ 1000 верстъ на югъ, вы опять услышите нѣчто похожее на Украйнѣ: баж÷ть, или въ Бѣлоруссіи: баж÷ць. Глаголъ нишнуть, употребляемый въ просторѣчіи почти толко въ повелительномъ наклоненіи: нишнц, замолчи — также отзывается на Украйнѣ въ нарѣчіи нищечкомъ, потихоньку, тихо. Говорятъ, что древнѣйшая рукопись сказки или сатиры о лисѣ, обработанной между прочимъ также Гёте, найдена на языкѣ Гальскомъ; въ Германіи сказка эта съ незапамятныхъ временъ обратилась въ народную, и тоже находимъ мы въ Великой и Малой Россіи; въ нашихъ сказкахъ лиса пускается на однѣ и тѣже продѣлки, какъ и тамъ. Кто и когда отъ другаго заимствовался?

Въ Россіи, въ нѣсколькихъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, но впрочемъ все болѣе на сѣверѣ, находимъ мы въ народѣ сохранившійся по нынѣ обычай или повѣрье честить загадочную могилу неизвѣстнаго богатыря тѣмъ, чтобы, поминая его, когда минуешь могилу эту, бросать на нее, что случится подъ рукой. Это находимъ мы у Торопца, у Холма, а также на самомъ сѣверѣ у Ледовитаго океана, у Ижемской Чуди. Вотъ что объ этомъ тутъ и тамъ расказываютъ мѣстные жители:

Холмскаго уѣзда, вплоть у деревни Изорь, при устьѣ впадающаго въ ону безименнаго ручья и при дорогѣ отъ погоста Канищева, къ рѣчкѣ Куньей, есть холмъ, мимо котораго не пройдетъ и не проѣдетъ ни одинъ крестьянинъ того околотка, не кинувъ, перекрестясь, на бугоръ этотъ клочекъ сѣна или травы; даже конный сходитъ на этомъ мѣстѣ съ лошади, чтобы исполнить завѣтный обрядъ. Старожилы говорятъ, что это ведется съ незапамятныхъ временъ, въ чемъ и нельзя сомнѣваться; такой обычай не могъ родиться, не только въ память нынѣшняго поколѣнія, но даже

въ память дошедшаго до насъ преданія — иначе былъ бы также извѣстенъ поводъ къ тому, и самое время, когда онъ завелся. Преданіе говоритъ только, что это дѣлается въ поминъ погребеннаго на томъ мѣстѣ могучаго въ свое время богатыря, съ вѣрнымъ конемъ его. Если кто не захочетъ, или даже позабудетъ воздать ему заповѣдную честь, то онъ ночью выходитъ изъ заповѣдной могилы своей, на конѣ и въ полномъ вооруженіи, и заслоняетъ великодушному путнику дорогу. И всадникъ и конь его необычайнаго роста, вооруженіе древнее, шеломъ и кольчуга съ налокотниками; все это блеститъ ярко; видно — богатырь о сю пору чистится отъ скуки и бережетъ сбрую и доспѣхи свои отъ ржавчины. Это мѣсто называется сопкою–богатыря, богатырской сопкой.

Мѣстоположеніе вкругъ деревни Изоръ ровное и боровое; по другую сторону рѣки, въ сосновомъ бору, стоятъ рядомъ еще три насыпныя сопки или могилы, но небольшія, не многимъ выше человѣка. Вокругъ нихъ раскидано множество крестовъ, грубо вытесанныхъ изъ камня дикаго, и, по

наружному виду ихъ, весьма древнихъ. Это мѣсто называется могильниками. Нѣтъ даже и преданія о томъ, чтобы здѣсь когда нибудь стояла церковь или было кладбище; но и по другимъ направленіямъ вокругъ богатырской сопки также разсѣяны такіе же небольшіе курганы, повидимому насыпные, но безъ всякаго порядка и не рѣдко порознь.

Съ открытіемъ весны, на Богатырской сопкѣ оказывается столько сѣна, что, какъ крестьяне говорятъ, стало бы его на прокормъ одной лошади во всю зиму; но никогда и никто не посмѣлъ свезти этотъ стожокъ, для потребы своей, домой, даже во время большаго недостатка корму и трудности прокормить скотъ. Отъ этого приключилась бы такая бѣда, что мужики, на вопросъ объ этомъ, не могли даже придумать, чѣмъ бы такой смѣльчакъ поплатился.

Почти тоже находимъ и въ Торопецкомъ уѣздѣ. Тутъ дорога къ Смоленску, между рѣками Торопою и Двиною, пролегаетъ песчаснымъ берегомъ, и, не вдалекѣ отъ погоста Бѣнецъ, виднѣются нѣсколько

кургановъ, по здѣшнему — сопокъ, довольно возвышенныхъ и уже поросшихъ лѣсомъ. Замѣтимъ впрочемъ мимоходомъ, что послѣднее обстоятельство не доказываетъ древности кургана: — такъ называемыя Французскія могилы, на пути обратнаго шествія великой арміи, также поросли уже соснами въ человѣка толщины. Здѣсь однако же, въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ память людскую не было никакого событія, объясняющаго присутствіе Бѣнецкихъ сосенъ; одно преданіе говоритъ, что это есть побоище Руси съ Литвою; другое напротивъ утвержаетъ, что здѣсь побита и погребена большая шайка вольницы, истребленной, неизвѣстно когда, царскимъ войскомъ.

Подлѣ самой дороги и вблизи кургановъ есть мѣсто, урочище, не означенное ни сопкой, ни другимъ наружнымъ признакомъ; а между тѣмъ оно живетъ въ памяти народа, и каждый изъ окружныхъ жителей его знаетъ. Здѣсь подвизался, съ неимовѣрною храбростію, какой–то славной витязь, котораго имя забыто, и забыто также — для чего и за кого онъ положилъ

свой животъ; но думать надо, что онъ стоялъ за святое дѣло, иначе бы народъ не чтилъ о сю пору память его: либо онъ побилъ Литву, либо разбойниковъ. Въ старину, по увѣренію стариковъ, за него служили панихиды; теперь же поминовеніе его замѣнено особымъ, установившимся за общій обычай, обрядомъ: каждый изъ окрестныхъ жителей, минуя это мѣсто, считаетъ ненарушимою обязанностію своею отломить вѣтку отъ дерева, и бросить ее на могилу или на поприще удалаго богатыря. Въ лѣтнее время здѣсь бываетъ много ѣзды, и обратившійся въ привычку обычай исполняется всякимъ проѣзжимъ, кромѣ развѣ чужестранныхъ людей; по этому костеръ сучьевъ наростаетъ день ото дня, и образуетъ наконецъ большую кучу или курганъ. Но вотъ что замѣчательно: костеръ этотъ растетъ всегда только два года, а на третій сгараетъ; на пепелищѣ появлются два сучка, сложенные крестомъ, и они служатъ основаніемъ новаго костра, который накопляется опять также два года, а на третій — сгараетъ. Такъ ведется съ незапамятныхъ временъ. Отъ чего костеръ

сгараетъ и кто кладетъ въ основанiе новаго памятника два сучка крестомъ, этого никто не знаетъ; по крайней мѣрѣ вы не найдете никого, кто бы это вамъ сказалъ. Крестьяне увѣряютъ, что ни у кого рука не поднимется поджечь костеръ, хотя ему и суждено сгорѣть, и это должно быть витязю прiятно — но никто однако же не посмѣетъ къ нему прикоснуться. Старики говорятъ, что уже за ихъ память это дѣло идетъ своимъ порядкомъ болѣе полустолѣтiя, а при отцахъ и дѣдахъ ихъ было все то же, но что ни кто и никогда не могъ подсмотрѣть, кѣмъ костеръ зажигается. Мало того, увѣряютъ, что многiе заставали свѣжую и теплую золу на могилѣ богатыря, но огня никто не видалъ, хотя такая огромная куча и должна горѣть ярко и довольно долго. Вѣроятно это дѣлается зимой, когда лѣтняя дорога покидается и западаетъ снѣгомъ, а прокладывается ближайшiй зимникъ по болотамъ и озерамъ. Это объясняетъ также, какимъ образомъ пылающiй костеръ никогда не разносилъ лѣснаго пыла или пожара, котораго слѣдовъ не видно на ближайшихъ хвойныхъ

деревьяхъ. Если мы не согласимся вѣрить, вмѣстѣ съ народомъ, въ это чудо, то остается предположить: либо, что распространенное и укоренившееся въ народѣ повѣрье заставляетъ того или другаго, кого случай наведетъ въ урочное время на то мѣсто, зажечь костеръ, и утаить это, обманывая и себя и другихъ, какъ это нерѣдко въ суевѣріяхъ случается; либо — что этотъ обрядъ, всесожженія составляетъ тайну не многихъ, соблюдающихъ въ родѣ своемъ какое нибудь завѣтное преданіе.

Теперь перейдемъ на Ижму, и разскажемъ чудесное преданіе о Ягсѣ, о зломъ волхвѣ и богатырѣ, котораго имя осталось по нынѣ въ памяти народной, обратившись въ нарицательное, и означая почти тоже въ повѣріи племенъ этихъ, что по нашему лѣшій.

Саженъ полтораста отъ селенія Ижмы, гдѣ между–изгородами пролегаетъ по берегу рѣки дорога, лежитъ небольшой

курганъ, заваленный хворостомъ, обломками сучьевъ, каменьями и тому подобнымъ хламомъ. Кто бы ни шелъ мимо, всякій бросаетъ на холмикъ этотъ, что попадется ему подъ руку; такъ ведется съ незапамятныхъ временъ и народъ до того къ этому привыкъ, что всякій, не доходя до кургана, оглядывается и запасается во время хворостиной, вѣткой или камнемъ, потому что вкругъ самого кургана чисто, и все движимое давно уже подобрано. Кто бы рѣшился не исполнить этого обычая, на того народъ сталъ бы смотрѣть, какъ на опаснаго вольнодумца и безбожника, или какъ на невѣжу, пренебрегающаго священными, вѣковыми обычаями отцевъ и дѣдовъ.

Старики разсказываютъ, что въ прежнія времена, которыя, какъ всякому извѣстно, славились чудесами, вкругъ этой могилы бродили въ осеннія, темныя ночи какія–то страшилища, сверкая раскаленными, какъ уголь, глазами, и завывая страшными голосами. Иногда на курганѣ вспыхивалъ синеватый огонь, и въ огнѣ этомъ видны были яркіе, красные, будто налитые кровью

глаза. Бывали смѣльчаки, которые подходили въ это время къ кургану; но они возвращались оттуда изувѣченными и нѣмыми, или даже сумасшедшими. И теперь еще курганъ этотъ внушаетъ суевѣрный страхъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ; никто, конечно, не рѣшился бы пройти ночью по близости его, а всякій дѣлаетъ обходы, осѣняясь крестомъ и молитвой.

Въ стародавнее время, когда еще Ижемцы не знали ни какихъ властей, кромѣ старшихъ своихъ; жили разсѣянными по дремучимъ лѣсамъ своимъ, питаясь и одѣваясь тѣмъ, что добывало копье, лукъ и стрѣла, поклонялись каменнымъ и деревяннымъ болванамъ, и назывались однимъ именемъ со многими другими племенами, Чудью, тогда, около этихъ мѣстъ появился Ягса, кто и что онъ былъ и откуда взялся, неизвѣстно; это былъ, по виду, человѣкъ, но аршиномъ выше всѣхъ другихъ, даже самыхъ рослыхъ людей, голосъ его былъ страшенъ и раздавался по лѣсамъ на большое пространство; глаза кровавые, яркіе, какъ огонь, смуглое, безобразное лицо, черный и густой, жесткій

волосъ, въ родѣ конскаго хвоста; щетинистая борода, лапищи огромныя, слѣды такіе, что человѣкъ могъ стать въ каждый изъ нихъ обѣими ногами; одежда изъ шкуръ медвѣдей, которыя онъ билъ копьемъ своимъ; все это придавало ему страшный видъ, и появленіе этого чудища взволновало мирную Чудь, которая дала ему названіе злаго чародѣя Ягсы. Онъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, ходилъ всегда вооруженный огромнымъ копьемъ и тяжелою сѣкирой; никто незналъ жилья его, всѣ избѣгали встрѣчи съ нимъ, но онъ по временамъ являлся вблизи жилищъ, для грабежа и разбоя: онъ убивалъ людей безъ причины, ради одного страха или для забавы; онъ угонялъ скотъ, уносилъ дѣтей, которые пропадали безъ вѣсти, но въ особенности преслѣдовалъ молодыхъ и пригожихъ дѣвушкъ, которыхъ высматривалъ, бродя по ночамъ вкругъ огней, выхватывалъ изъ мирной семьи, и, перекинувъ черезъ плечо, какъ волкъ овечку, бѣгомъ уносилъ въ неизвѣстную никому берлогу свою. Это нагнало на жителей такой страхъ, что люди почти

умирали съ голоду, не смѣя итти въ лѣсъ и къ озерамъ на промыслы, изъ опасенія встрѣчи съ Ягсой, который въ такомъ случаѣ всегда почти убивалъ промышленника; дѣвки же прятались постоянно въ самые темные углы жилья своего, не смѣя выказать лица на свѣтъ Божій, чтобы не приманить этимъ страшнаго и проклятаго Ягсу. Но и это ихъ не спасало: онъ былъ волхвъ отъ котораго трудно было, уйти или скрыться. Поворожив, когда ему нужна была жертва, онъ угадывалъ, въ какомъ мѣстѣ, или жильѣ находилась пригожая дѣвка, и, отправившись туда, нападалъ въ расплохъ на бѣдныхъ жителей и уносилъ красавицу, съ послѣднимъ замираніемъ плача которой западалъ и слухъ объ ней всегда.

Для злыхъ чаръ своихъ, Ягса разрывалъ свѣжія могилы, доставалъ оттуда трупы, и употреблялъ также кровь невинныхъ дѣтей. Многіе до того боялись его, что приписывали ему всякую сверхъ–естественную власть и силу: злостнымъ могуществомъ своимъ онъ затмѣвалъ солнце, наводилъ тучи, распускалъ дождь,

бурю и градъ; онъ морилъ или угонялъ въ подземные вертепы рыбу, разгонялъ звѣрей и животныхъ, и насылалъ страшную засуху такъ, что народу иногда нечѣмъ было питаться.

Много разъ уже Чудинцы дѣлали большія сходки, совѣщались, вызывая стариковъ и бывалыхъ людей, какимъ бы способомъ избавиться отъ этого злодѣя; наконецъ ходили на него большими толпами, но или, проходивъ много дней даромъ, не могли отыскать его, или же дорого платились за смѣлость свою, если его отыскивали: онъ побивалъ множество людей, а самъ уходилъ невредимымъ. Разъ они вздумали вырыть на него огромную волчью яму, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ часто проходилъ, и гдѣ не далекъ былъ глубокій бродъ на рѣкѣ; но Ягса и за это страшно мстилъ несчастнымъ жителямъ: онъ пошелъ бродить по окружности, ловилъ встрѣчнаго и поперечнаго, и бросалъ въ эту яму. Такимъ образомъ Чудинцы, взявшись за умъ, поспѣшили скорѣе опять засыпать эту яму.

У старшины одного изъ селенiй Ижемскихъ была дочь, славившаяся красотою, если не по всей земли, то по крайней мѣрѣ по землѣ Ижемской Чуди. Родители хранили ее со всѣми возможными для нихъ предосторожностями, но не уберегли: она пропала безъ–вѣсти, среди бѣлаго дня, а люди видѣли объ эту пору Ягсу издали съ какою–то ношей, и никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ избралъ жертвою своею несчастную старшинскую дочь. Это произвело такой всеобщiй порывъ отчаянiя, потому, что народъ любилъ и уважалъ добраго старшину, и гордился красотою его дочери, — что народъ собрался въ деревню старшины и требовалъ мести. Когда еще судили и рядили объ этомъ событiи, и о томъ, что теперь дѣлать, вдругъ прибылъ старшинскiй сынъ изъ сосѣдняго околотка, съ толпою вооруженной молодежи, и громко говорилъ, подымая сѣкиру выше головы своей, что это будетъ позоръ неслыханный, если вся Чудь не подымется на Ягсу, и не отомститъ за такое поруганiе, и что отнынѣ ни одна дѣвушка во всей землѣ Ижемской не

взглянетъ на парня, и не позволитъ ему подойти къ себѣ на десять шаговъ, покада Ягса не заплатитъ жизнію за свою дерзость. Старики, не видя конца этому бѣдствію, поддержали старшинскаго сына, и вся молодежь поднялась подъ предводительствомъ его; и двинулась войной на Ягсу, отдавъ клятву предъ истуканами своими: погибнуть до послѣдняго человѣка, или побѣдить. Старики пошли изъ селенія въ селеніе, объявляя поголовщину на этого злодѣя и назначая мѣсто для общаго схода.

Съ разныхъ сторонъ стали набираться такія толпы, вооруженныя копьями, стрѣлами, сѣкирами и дубинами, будто народъ поднялся войною на другой народъ, и, глядя на это грозное ополченіе, никто бы не повѣрилъ, что оно двинулось на одного только человѣка, который былъ аршиномъ выше прочихъ людей; но человѣкъ этотъ въ водѣ не тонулъ, на огнѣ не горѣлъ, и его не донимали ни стрѣла, ни легкое копье, пущенное изъ руки; но ходила какая–то темная молва, что онъ не можетъ устоять противъ удара ꙋзручь, то есть рукопашной

битвы, гдѣ оружіе, которое его поражаетъ, не было брошено въ него, а оставалось бы въ рукахъ бойца. Конечно страшно было подступиться для такой битвы къ сильному чародѣю, котораго многіе называли даже вежемой, то есть оборотнемъ; но не менѣе того на такой рукопашной дракѣ Чудинцы основали всѣ свои надежды.

Цѣлую недѣлю Чудское войско искало злодѣя, но онъ не являлся. Тогда рѣшили залечь въ засаду на томъ мѣстѣ, гдѣ была нѣкогда устроена волчья яма на Ягсу, гдѣ былъ любимый бродъ его, и гдѣ теперь невдалекѣ находится описанный нами курганъ. Мѣсто это въ то время было удалено отъ всѣхъ жилищъ, и берега Ижмы покрыты вѣковымъ боромъ. Три дня Чудинцы сидѣли въ засадѣ, на четвертый вечеромъ Ягса показался на противномъ берегу, пощелкалъ, посвисталъ и пошелъ на свой бродъ. Сердца воиновъ Чудскаго ополченія замерли отъ страха; но злоба ихъ и чувство мести воспламеняло и ободряло надеждою. Они притаились, выждали Ягсу и встрѣтили его градомъ стрѣлъ, а за тѣмъ, съ неистовымъ крикомъ, чтобы заглушить

робость свою и придать себѣ болѣе духу, пошли въ рукопашную. Впереди всѣхъ бросился отчаянный старшинскій сынъ, и первый ударилъ Ягсу изручь копьемъ въ грудь. Не видавъ еще на себѣ крови, Ягса какъ будто оробѣлъ и хотѣлъ прорваться сквозь окружавшую его толпу, побивая изъ правой руки копьемъ, а изъ лѣвой — сѣкирой, всякаго, кто приближался; но ловкій ударъ копья старшинскаго сына ободрилъ прочихъ, задніе напирали на переднихъ, и стискивали все тѣснѣе, густой кругъ, обложившій міроваго злодѣя; онъ отбивался, какъ раненый медвѣдь, перебилъ нѣсколько десятковъ народу, но и самъ былъ сбитъ съ ногъ и приколотъ къ землѣ сотнею копій. Стойте, закричалъ бѣдный старшинскій сынъ, умирающимъ голосомъ, не убивайте его, отрубите ему руки, чтобъ сдѣлать безопаснымъ, и заставьте показать, гдѣ у него полоненныя дѣвушки и старшинская дочь. Это были послѣднія слова его; проколотый насквозь копьемъ волота, онъ испутилъ духъ.

Ижемцы послушались его совѣта, и заставили безрукаго, искалеченнаго Ягсу

вести ихъ къ своему логву. Онъ молча повиновался и привелъ ихъ ко входу глубокой пещеры, на берегу рѣчки Кучи, протекающей въ полу–верстѣ отъ этого мѣста. Тутъ нашли нѣсколькихъ пропавшихъ дѣвушекъ, а также — и дочь старшинскую, но всѣмъ имъ похищенiе Ягсою стоило жизни; нашли одни только трупы ихъ. Народъ горевалъ и каждый вымѣщалъ теперь на злодѣѣ злыя дѣла его, и онъ долженъ былъ переносить все. Разныя вещи, награбленныя имъ и также отысканныя теперь въ пещерѣ, снесли въ костеръ и сожгли; пещеру же завалили каменьями и засыпали землей; а нынѣ никто даже не можетъ указать и мѣста, гдѣ была эта пещера. За тѣмъ народъ отвелъ проклятаго Ягсу опять на то мѣсто, гдѣ онъ был полоненъ, отрубили ему тамъ голову, свалили въ яму, пробили между лопатками осиновымъ коломъ и засыпали землей.

Вотъ, по разсказамъ Ижемцевъ, происхожденiе небольшаго кургана, о которомъ мы говорили, на который по нынѣшнiй день, каждый прохожiй бросаетъ, что ему попадется подъ руку.

Замѣчательно, что зѣдсь дѣлается это въ проклятіе и поношеніе злодѣю, тогда, какъ въ двухъ другихъ описанныхъ нами случаяхъ, обычаемъ этимъ почитается память богатырей добродѣтельныхъ. Можетъ быть, впрочемъ, это надо понимать и такъ, что робкіе Ижемцы воздаютъ Ягсѣ почетъ отъ одного только суевѣрнаго страха.

В. ДАЛЬ.